

© 2000 г.

В.Ф. АНУРИН

СЕКСУАЛЬНАЯ РЕВОЛЮЦИЯ: ДВОЙНОЙ СТАНДАРТ

АНУРИН Владимир Федорович - доктор социологических наук, профессор Нижегородского коммерческого института.

Какие ассоциации вызывает понятие "сексуальная революция" у человека, недостаточно хорошо ознакомленного с данным вопросом? Первое, что приходит на ум обывателю, - этим словосочетанием обозначают разгул вседозволенности по удовлетворению самых низменных страстей, попрание вековых норм морали, утрату всякого стыда. Между тем здесь мы имеем дело со сложнейшим общественным явлением, тесно переплетенным цепью причинно-следственных связей, испытывающим на себе воздействие множества социальных изменений, темпы которых в современную эпоху стремительно возрастают в точном соответствии с поршневым законом ускорения истории.

И все же, несмотря на это, в большинстве педагогических систем изучение культуры сексуальных отношений до сих пор стыдливо обходится. Нашему обществу, да и человечеству в целом, еще предстоит выработать эффективные воспитательные методики, которые смогли бы просто и убедительно заложить в сознание формирующейся личности "правильное" восприятие этой важнейшей сферы человеческого бытия. Почему нами заключено в кавычки слово "правильное"? Дело в том, что оно в применении к сексуальному поведению несет сильный оттенок нормативности, меняющейся от одного общества к другому и от одной исторической эпохи к другой.

Сексуальность в самых разнообразных ее проявлениях - важнейший аспект социального взаимодействия. Не случайно выдающийся русский и американский социолог Питирим Сорокин усматривал в сексуальности один из трех главных побудительных мотивов, которые оказывают огромное влияние на судьбы целых государств и народов. Сексуальный инстинкт, наряду с пищевым и инстинктом безопасности, он относил к разряду "базовых" или "основных" (сами термины, очевидно, заимствованы у Зигмунда Фрейда) и утверждал, что именно появление этих инстинктов выступает в конечном счете исходным фактором всех социальных революций [1].

Конечно, на Западе социологический интерес к проблеме отношений между полами проявился значительно раньше и получил существенно большее развитие, нежели в России [2]. Если даже оставить в стороне тот факт, что сама теоретическая социология получила у нас, наконец, статус самостоятельной научной дисциплины лишь в начале 90-х гг., главная причина такого положения заключалась скорее в том, что актуализация проблемы сексуальности противоречила господствующим идеологическим установкам общества "реального социализма". Как полагает Игорь Кон, "... советская власть пыталась преодолеть их (социальные трудности, связанные с сексуальной сферой. - В.А.) административно-бюрократическими и репрессивными мерами (криминализация гомосексуальности, запрещение аборт, затруднение разводов и т.д.). В 1930-50-х гг. всякая научная и художественная сексуальная культура была практически элиминирована, а сексуальность, низведенная до уровня "полового инстинкта", загнана в подполье. Поставленные цели роста рождаемости и укрепления семьи, естественно, достигнуты не были, но был нанесен большой ущерб здоровью населения. Политически большевистская сексофобия была нацелена на обеспечение тотального контроля над личностью, но фактически она имела мощный эффект

бумеранга: замалчиваемая и отрицаемая сексуальность стала убежищем от тоталитарного режима и знаком социального протеста против него" [3].

Поэтому, вероятно, можно буквально по пальцам пересчитать отечественных социологов, исследующих настоящую проблему. Одним из наиболее серьезных русскоязычных социологов, плодотворно разрабатывающим ее, начиная с 60-х гг., следует считать только что процитированного И.С. Кона. Хотя любопытно будет отметить, что его первая книга на эту тему - "Введение в сексологию" - была опубликована издательством "Медицина" [4]. Она носила не столько социологический характер, сколько представляла собой свод самых разнообразных сведений по анатомии, эндокринологии, психологии, этнографии и лишь отчасти касалась социологии сексуального поведения человека. Среди авторов, довольно последовательно занимавшихся проблемой в течение десятилетий, назовем и петербургского социолога Сергея Голода [5]. Определенную ценность представляет также комплекс работ прикладного направления, которые в своей совокупности образуют эмпирическую базу для теоретических обобщений в перспективе [6].

В западной социологии, как уже говорилось, внимание к проблемам сексуальности гораздо более отчетливо выражено. За последние 30-40 лет тут появились сотни, если не тысячи солидных трудов, немало из которых, однако, по преимуществу междисциплинарного характера - на стыке социологии с психологией, психоанализом, сексопатологией и прочими отраслями научного знания. Особой глубиной и масштабностью отличаются работы Мишеля Фуко, Джеффри Уикса, Энтони Гидденса [7], которые пока не переведены и практически недоступны широкому русскоязычному читателю.

В 1999 г. сотрудниками социально-экономической лаборатории Нижегородского коммерческого института был проведен опрос нижегородцев с целью выявить изменения в общественном сознании, связанные с сексуальной революцией (количество опрошенных 506, в выборке равномерно представлены все возрастные когорты от 15 до 60 лет). С некоторыми результатами исследования хотели бы ознакомить научную общественность. Но вначале кратко изложим общий взгляд на теоретические аспекты этого сложного и противоречивого явления.

Сущность, факторы, характерные черты сексуальной революции

Сразу же подчеркнем следующий чрезвычайно важный момент: она есть следствие и одна из неотъемлемых частей такого грандиозного феномена как *глобальная индустриальная революция*. Индустриальная революция начинается, как известно, с *революции технологической*, что находит свое выражение, прежде всего, в механизации производства, которая получает массовый размах. Сердцевину и суть индустриальной революции составляет действие трех важнейших социально-экономических законов - закона экономии времени, закона возвышения потребностей и закона перемены труда [8]. Революционные преобразования последовательно пронизывают все области общественной жизни: так, в странах, охваченных индустриальной революцией, происходит целый ряд *политических революций, культурные революции, а также революции менеджеров*. В конце концов революционные сдвиги затрагивают и один из самых консервативных институтов - брачно-семейный.

Попытаемся привести те основные *факторы*, которые подталкивают сексуальную революцию, хотя сами, в свою очередь, предстают социальными изменениями, вызванными революцией индустриальной. Вообще говоря, таких факторов достаточно много. Остановимся лишь на некоторых, наиболее существенных, как полагаем.

1. В традиционном обществе патриархальная семья выполняла роль *основной хозяйственной единицы*. Мотивы вступления в брак сплошь и рядом носили форму делового контракта, имели экономическую подоплеку. Отец семейства был не просто кормильцем и добытчиком, но главой производственного предприятия. Это относилось и к крестьянству, и к ремесленникам, и к купечеству. Современное же технологичное и бюрократизированное производство вытеснило семью из ее древней производительной ипостаси. При господствующей фабричной форме организации труда более не представляется возможным ни вести домашнее хозяйство, выполняющее производственную функцию, ни переместить семейство на те позиции, где разворачивается промышленная (ремесленная) деятельность. Сие, разумеется, снижает доминирующую социальную значимость мужчины в новых условиях.

2. Напротив, женщина все активнее вовлекается в собственно производственный процесс, когда она - во всяком случае формально - стремится занять место ровнею с мужчиной. Механизация, а затем и автоматизация производства последовательно сокращают те производственные сектора, где от работника требуется в первую очередь физическая сила (что в течение многих тысячелетий было биологически обусловленной мужской прерогативой). Как результат - женщине постепенно, хотя и сравнительно быстро по историческим меркам, удается обрести известную *экономическую самостоятельность*. Заметим, что это парадоксальным образом вносит серьезный вклад в усиление нестабильности моногамной семьи (в ее исторически сложившихся формах), отделившейся к тому же от производительных функций. Питер и Бриджит Бергеры так формулируют различия между патриархальной и современной семьями: в первой из них "муж, грубо говоря, в гораздо меньшей степени был расположен избавиться от такой жены, которая вносит свой вклад в его работу, нежели от той, которая просто стоит ему дополнительных расходов. И, наоборот, по мере того как женщины во все большем числе входили в состав рабочей силы, женщина, сама получающая зарплату, в гораздо большей степени расположена избавиться от такого мужа, который стал бременем для семьи и препятствием на пути собственной карьеры" [9].

3. Индустриальное общество впервые в истории снимает давление необходимости иметь в семье как можно больше детей. Утверждается тенденция к ограничению ее размеров, причем иногда довольно жесткими способами. Впервые для массовой популяции женщин сексуальность оказалась отделенной от хронического круга беременности и деторождения. Этому во многом способствует и широкое распространение эффективных контрацептивных средств. Половой акт все чаще приобретает *рекреационные функции*, соединенные больше с гедонистическими устремлениями.

4. Процессы секуляризации, столь присущие индустриальному обществу, неуклонно отодвигают на задний план догмы религиозной нравственности в регулировании половых отношений и сексуальных ролей.

А теперь перечислим основные внешние признаки и последствия сексуальной революции. Анализ различных работ, ей посвященных, позволяет, помимо особенностей, вносимых в традиционный институт моногамного брака, выделить такие характерные черты этого процесса:

- стирание двойного стандарта в половой морали;
- отделение сексуальности от функции воспроизводства;
- растущая терпимость к добрачным половым связям;
- усиление открытости сексуальной сферы;
- признание права женщин на обладание собственной сексуальностью и на получение сексуального наслаждения;
- коммерциализация секса;
- повышение толерантности к нетрадиционным формам совершения полового акта и гомосексуальным контактам;
- расширение разнообразия сексуальной практики в массовом масштабе.

В своем исследовании мы попытались выявить оценку опрошенными большинства указанных явлений (за исключением второго и шестого). К сожалению, рамки журнальной статьи ограничивают возможность развернутого анализа полученных результатов. Вот почему используем лишь некоторые из них, рассмотрев, насколько отчетливо проявляется среди различных категорий респондентов двойной стандарт половой морали, а также их отношение к добрачному сексу.

Стирание двойного стандарта в половой морали

Со времени возникновения института моногамного брака и патриархальной семьи половая мораль содержала в себе нормативы и правила для оценки сексуального поведения, которые различались для мужчин и для женщин. "Господство мужа в семье и рождение детей, которые были бы только от него и должны были наследовать его богатство, - такова

была исключительная цель единобрачия..." [10]. От женщины требовалось строгое сохранение верности мужу, любые ее попытки даже самого невинного флирта с другими мужчинами расценивались как моральная распушенность. К тому же, и за пределами собственно брачных отношений большинство женщин разделялись на "добродетельных" и "пропащих", при этом "пропащим" возбранялось появляться в уважаемом обществе. "Добродетель" веками определялась главным образом с позиций женского отказа поддаться сексуальному искушению - отказа, поддерживаемого различными институциональными установлениями, такими, скажем, как ухаживание под присмотром пожилых дам, вынужденные браки и т.п.

Вместе с тем мужчины традиционно оценивались - и не только ими самими, но также и женщинами - как существа, требующие сексуального разнообразия ради поддержания своего телесного и душевного здоровья. Для них считалось приемлемым вступать до брака в многочисленные сексуальные связи. Да и после бракосочетания в этом не виделось ничего зазорного. Как свидетельствует Лоуренс Стоун в своем исследовании истории развода, в Англии вплоть до недавней поры бытовал жесткий *двойной стандарт* относительно сексуального опыта мужчин, с одной стороны, и женщин - с другой. Даже единичный случай адюльтера, допущенного женой, был "непростительным нарушением закона о собственности и идеи наследования", и когда он раскрывался, это приводило к карательным мерам. Супружеская же неверность мужа, напротив, широко воспринималась как "достойная сожаления, но вполне понятная слабость" [11, с. 7].

Исчезновение (точнее, постепенное стирание) двойного стандарта совсем не обязательно означает, что новая половая мораль с одобрением относится к таким сексуальным поведенческим типам, которые прежде рассматривались как аморальные. Речь идет скорее о том, что *одинаковые отклонения от норм и у мужчин, и у женщин все чаще оцениваются одинаково* - или в равной степени осуждаются, или в равной степени одобряются. Разумеется, как пишет Э. Гидденс, "двойной стандарт все еще существует, но женщины более не желают терпимо относиться к той точке зрения, что, если мужчины нуждаются в разнообразии, и поэтому от них следует ожидать, что они пустятся во внебрачные приключения, то сами женщины не должны вести себя подобным образом" [там же, с. 12].

В ходе опроса респондентам было предложено оценить отдельные проявления сексуальной практики, рассматриваемые традиционной половой моралью как девиантные, по пятибалльной шкале - от "резко осуждаю" (1) до "полностью одобряю" (5). Учитывая ранговое деление шкалы, мы смогли рассчитать не только пропорции ответов по каждому из вариантов, но и среднее (в "баллах") оценочное значение каждого из приведенных явлений. Нетрудно убедиться, что склонность к осуждению обнаруживается в значении среднего балла ниже трех (чем ближе к единице, тем строже), а к одобрению - выше трех (чем больше, тем снисходительнее). Типы поведения были подобраны попарно, дабы подвергнуть их оценке как мужчинами, так и женщинами.

Для того чтобы сделать выводы о существовании двойного полового стандарта - и по всей выборочной совокупности, и по конкретным ее стратам, - мы прибегли к расчету специального индекса δ , суть и социологический смысл которого заключается в следующем. Понятно, что двойной половой стандарт находит реальное воплощение "не вообще, а в частности" - применительно к тому или иному поведенческому типу. Двойственность, напомним, выражается в неодинаковом восприятии одного и того же образа сексуальных действий мужчины и женщины. Вычитая средний балл оценки женского поведения из среднего балла оценки соответствующего типа мужского поведения, получаем упомянутый индекс для данной страты. Положительное его значение говорит о более одобрительном или менее осуждающем отношении к поведению, проявляемому мужчинами, отрицательное значение - о большем одобрении (или меньшем осуждении) аналогичного поведения женщин. При таком подходе *отсутствие двойного полового стандарта или снижение его интенсивности выражается через приближение δ к нулю*.

Не будем приводить таблицу с оценочными баллами различных типов девиантного сексуального действия - они слишком громоздки. Отметим, что уровень трех преодолён лишь оценками добрых сексуальных связей (о чем предстоит отдельный разговор). Высокими оказались оценки случайных сексуальных контактов для мужчин (2,71), а также периодической смены полового партнера (2,68) - опять же для мужчин. Правда, думается, по уровню оценок в баллах, - это не большее одобрение, а, пожалуй, меньшее осуждение. Самым низким уровнем оценок отмечен мужской гомосексуализм и мужская проституция (1,72).

Индексы двойных стандартов

Типы поведения	Выборка в целом	"Отцы"	"Дети"	Муж.	Жен.
Внебрачные связи	0,33	0,11	0,43	0,87	-0,16
Периодическая смена полового партнера	0,22	0,20	0,24	0,50	-0,02
Случайные сексуальные связи	0,22	0,16	0,26	0,47	0,02
Супружеская неверность	0,23	0,16	0,30	0,73	-0,21
Проституция	-0,54	-0,48	-0,64	-0,96	-0,17

Обращаясь к индексам двойных стандартов (см. табл. 1), укажем, прежде всего, что наибольшие их значения по выборке в целом закрепились в таких типах сексуального поведения как внебрачные связи и проституция. Причем, если первый из них наделен положительным значением (преимущественно опрошенные считают, что "прогулки на сторону" простительнее для мужей, чем для жен), то второй имеет знак минус, не оставляющий сомнений в том, что половая мораль достаточно резко (судя по абсолютной величине индекса) осуждает людей, превращающих собственную сексуальность в источник материального дохода. Очень низкие уровни индексов практически по всем типам сексуальных девиаций выявлены среди женской половины выборочного массива. А по таким проявлениям сексуального поведения как периодическая смена полового партнера и случайные сексуальные связи двойной стандарт у женщин практически исчезает. Обратим внимание и на то, что у этой респондентской группы почти все индексы двойного стандарта отрицательны: по всем видам нарушений традиционной половой морали строже судятся мужчины, нежели представительницы собственного пола. Не в этом ли еще одно свидетельство того, что подлинными героями сексуальной революции - женщины. Впрочем, это вполне естественно, поскольку именно на их раскрепощение она в первую очередь и направлена. В сознании же мужчин двойной стандарт сохраняет достаточно прочные позиции. И всего суровее они винят женщин (гораздо более снисходительно - себя) за внебрачные связи и супружескую неверность. Отметим также, что оценка мужчинами своих случайных сексуальных связей зафиксирована на уровне 3,10, т.е. сдвигается, похоже, в направлении одобрения.

К несколько неожиданным результатам приводит сравнение индексов двойного стандарта разных поколений. К категории "детей" мы отнесли респондентов от 15 до 24 лет ($N = 225$), к категории "отцов" - старше 41 года ($N = 134$). Казалось бы, молодое поколение должно быть прогрессивнее и раскованнее в сексуальном поведении, испытывая на себе наиболее мощное воздействие самых разнообразных проявлений сексуальной революции. Однако, как видим из данных таблицы, среди "детей" по всем позициям двойной стандарт укоренился глубже, хотя, как убедимся далее, в большинстве они - отнюдь не аскеты и о сексе знают не понаслышке. Особенно высок его уровень в отношении к супружеской неверности и внебрачным связям: соответственно вдвое и вчетверо выше, чем у "отцов". Между тем, более 97% образующих эту категорию никогда не вступали в брак, в то время как в рядах "отцов" 70% женаты (замужем), 17% разведены и 10% вдовствуют - иными словами, старшему поколению из собственной практики знакомы все светлые и мрачные стороны семейной жизни. Но, возможно, как раз отсутствие личного опыта и формирует несколько завышенные, идеалистические представления о браке. И все же это никак не объясняет, почему молодые люди нетерпимее (по сравнению со старшим поколением) относятся к нарушению святости брачных уз женами, чем мужьями. Может быть, следует искать объяснения в социально-профессиональном статусе младших респондентов, значительную часть которых составляли представители учащейся молодежи - студенты и школьники.

Растущая терпимость к добрачным половым связям

Бесспорно, отношение к добрачным половым связям весьма различается в контексте различных культур и субкультур, однако с точки зрения господствующей морали они всегда осуждаемы. Это вытекает из самых основ института моногамного брака. С традиционными морально-нравственными нормами тесно сопряжен и процесс вовлекаемости несовершеннолетних в половые связи. Известно, что нормативно возрастная граница совершеннолетия меняется от одного общества к другому, и достижение ее, как правило, увязано с признанием дееспособности индивида в различных сферах жизнедеятельности, в том числе - брачно-половой. По утверждению И. Кона, "в европейской культуре нового времени эротические интересы у детей считались "нездоровыми" и всячески табуировались" [4, с. 141]. Наверное, имеются веские основания полагать, что этот запрет проявлений сексуальности несовершеннолетними был определен общим ходом институционализации моногамной семьи, которая возникает в качестве отклика на формирование частной собственности. В условиях, когда половой акт с достаточно высокой степенью вероятности ведет к появлению на свет нового человеческого существа, неизбежно встает вопрос о будущем социальном и материальном статусе ребенка: экономическая недееспособность несовершеннолетних родителей увеличивает почти "в квадрате" его собственную недееспособность.

В современном обществе возраст сексуального дебюта неуклонно снижается. При этом, согласно Э. Гидденсу, «незабываемый момент "потери невинности" юношей воспринимается сегодня как неправильное употребление термина: для юношей первый сексуальный опыт - это приобретение" [11, с. 51]. Еще тридцать-сорок лет назад мать, узнав что ее сын-школьник вступил в половую связь, испытала бы некое подобие шока. Ныне мамы нередко "подсовывают" пятнадцатилетним сыновьям литературу по сексологии и потихоньку кладут им в карманы пиджаков презервативы - "на всякий случай" (но практически никогда - дочерям! Здесь тоже легко просматривается двойной стандарт).

По данным опроса, осуществленного в прошлом году российским Центром народонаселения совместно с социологами итальянского университета "Ла Сапиенца", российские мальчики начинают жить половой жизнью в среднем в 17,7 года. В то время как итальянские - в 19,5 года, норвежские - в 18,3, французские - 18,1, молодые люди Великобритании - в 17,9. Всех обошли американцы, которые к интимной жизни приступают в 16-летнем возрасте. Наши девушки целомудреннее многих - в большую сексуальную жизнь входят в 18,9 лет. Дольше российских барышень сидят в "девках" только итальянки. Их первый сексуальный опыт происходит в 20,4, тогда как американки дебютируют в 16,2 [12].

Возвратимся к нашему исследованию. Установление отношения респондентов к добрачному сексуальному опыту предполагало поиск ответов на вопросы, прежде всего, по трем основным позициям: (1) уровни двойного стандарта; (2) возраст, в котором произошел сексуальный дебют; (3) оценка необходимости официального оформления брака для вступления в половую связь.

Один из основных выводов, к которым мы пришли - *"детям" свойствен сниженный уровень двойного стандарта (сравнительно с "отцами") по поводу добрачных половых связей.* Это хорошо просматривается в данных таблицы 2. Кроме того, из нее видно, что наиболее высокую оценку - чуть выше умеренного одобрения - дают добрачному сексу юношей "дети"; самую низкую - между простым "осуждаю" и нейтральным "когда как" (3 балла) - выносит поколение "отцов" добрачным половым связям девушек.

Еще более заметное различие в уровне двойных стандартов наблюдается при сравнении оценок добрачного секса, даваемых мужчинами и женщинами. Если первые обнаруживают довольно высокий уровень двойного стандарта ($D; = 0,81$), то у вторых он существенно ниже ($D; = 0,37$). Это лишний раз подтверждает тезис о том, что во многом сексуальная революция совершается в пользу женщин и, главным образом, самими женщинами.

Нам было интересно также выявить сведения о динамике трансформации, которой подверглись оценки этого типа сексуального поведения в последнее пятнадцатилетие. С этой целью мы воспользовались материалами исследования, проведенного в свое время литовским социологом Гедиминасом Навайтисом [13]. Он опросил абитуриентов - 379 юношей и 585 девушек в городах и сельской местности Литвы, окончивших школы и собиравшихся поступать в высшие и средние специальные учебные заведения. Сопоставив наши результаты, выраженные на этот раз не в оценочных баллах, а в процентах, с данными

Оценочные суждения по выявлению нормативов двойного стандарта половой морали

Типы поведения	"Дети"			"Отцы"		
	Ср. балл	N	g _i	Ср.балл	N	g _i
Добрачные половые связи юношей	4,02	224	0,53	3,27	133	0,71
Добрачные половые связи девушек	3,49	224		2,56	133	

Таблица 3

Оценка необходимости официального оформления брачных отношений

Характер ответа	Дети		Отцы	
	Частота	%	Частота	%
Обязательно	13	5,8	25	18,7
Лучше так	28	12,4	36	26,9
В принципе можно обойтись	61	27,1	31	23,1
Совсем не обязательно	104	46,2	30	22,4
Не знают, не думали	13	5,8	5	3,7
Нет ответа	6	2,7	7	5,2
Всего	225	100	134	100

Г. Навайтиса и для наглядной сравнимости оперируя мнениями не всей нашей выборочной совокупности и даже не всего младшего поколения, но лиц моложе 18 лет, увидели, что в целом можно констатировать разительные изменения, происшедшие за истекшие годы. Помимо очевидного повышения толерантности (а для столь юной аудитории это не просто терпимость, но и в какой-то степени - готовность), рельефно обозначились сдвиги в двойном стандарте - особенно среди девушек.

Мы не приводим полного распределения ответов о том возрасте, в котором наши респонденты впервые вступили в половую связь. Укажем лишь, что 4,5% опрошенных "отцов" и 30,1% "детей" не дали никакого ответа на этот вопрос. Есть определенные основания полагать, что тут находит свое отражение доля тех, кто пока еще вообще не приобрел опыта сексуальной жизни. Что же касается сравнения такого опыта у представителей условно выделенных нами поколений, то средний возраст первого полового контакта, произведенного "детьми", заметно уступает "отцовскому" — 16 против 19,5, причем, это справедливо для обоих полов (кстати, эти данные нашего регионального опроса существенно разнятся с цифрами упоминавшегося российско-итальянского исследования). В младшем поколении (исключая, разумеется, "девственников") верхний возрастной предел сексуального дебюта вообще не превышает 20 лет. Своеобразный "пик" приходится на период от 15 до 17 лет - именно в этом интервале приобретают сексуальный опыт 42,6% сегодняшней молодежи. У старшего поколения он падает на 18-20 лет (45,5%), а верхняя граница достигает 31 года.

Внутренняя часть - более 30% - составляющих младшее поколение вступает в "большой секс" еще до получения паспорта. И если у юношей начало половой жизни по сравнению с "отцами" "помолодело" на три с половиной года, то девушки опережают в этом "матерей" почти на четыре года.

Если мы обратимся к распределению ответов, касающихся официального оформления брачных отношений как обязательного условия вступления в интимную близость, то, судя по данным, приведенным в таблице 3, среди молодых мнение о его необходимости встречается в два с половиной раза реже, чем это признают "отцы" (соответственно в полтора раза чаще молодежи высказывается противоположное суждение. В когортном распределении наиболее свободными взглядами на этот счет отличаются респонденты в возрасте 16-18 лет (почти 83% считают, что этим можно пренебречь), самыми же консервативными - те, кому свыше 50-ти (52,5% склоняются к обязательности этой меры).

Определенное представление об оценке официальной брачной атрибутики могут дать ответы, связанные с отношением к идее так называемого пробного брака. Обратившись к соответствующим данным, нетрудно увидеть, что у "детей" индекс согласия с суждением "Прежде, чем вступить в брак, надо проверить, подходит ли тебе человек в сексуальном смысле" пребывает на уровне 3,90 (вплотную приближаясь к варианту "скорее согласны"), а у "отцов" - 3,36. Строго говоря, приведенное обстоятельство, возможно, и не свидетельствует прямо об отношении к подобному браку, но в принципе выражает ядро этой идеи. Анализ когортного распределения показывает, что горячо эту идею поддерживают респонденты в возрасте от 16 до 25 лет, но прохладно относятся к ней, как и должно ожидать, те, кому перевалило за пятьдесят.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Социология революции // *Сорокин П.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1990. Между прочим, П. Сорокин был одним из первых социологов, отметивших наступление сексуальной революции (*The American Sexual Revolution*. Boston: P. Sargent. 1956).
2. Хотя первые сексологические опросы проводились в России уже с 1904 г. (М.А. Членов), правда, исключительно в студенческой аудитории.
3. *Кон И.С.* Сексуальное поведение россиян в XX веке. Тезисы для конференции "Население России в XX веке", 21-22 декабря 1998 г., Центр демографии и экологии человека Ин-та народнохозяйственного прогнозирования РАН (электронная версия).
4. *Кон И.С.* Введение в сексологию. М., 1998.
5. См.: *Голод СИ.* Личная жизнь: любовь, отношения полов. Л., 1990; *Голод СИ.* XX век и тенденции сексуальных отношений в России. СПб., 1996, а также его многочисленные публикации в периодических изданиях.
6. См., напр.: *Балабанов С.С.* Сексуальное поведение учащихся. Нижний Новгород, 1993.
7. См.: *Foucault Michele.* The History of Sexuality, Harmondsworth: Pelican, 1981; *Weeks Jeffrey.* Sexuality and Its Discontents. London: Routledge, 1985; *Giddens Antony.* The Transformation of Intimacy: Sexuality, love & eroticism in modern societies. Cambridge: Polity Press, 1992. Мы не упоминаем классических работ Кинзи, а также Мастерса и Джонсона, заложивших в 50-е годы XX века фундамент сексологии как самостоятельной научной дисциплины, - в силу того, что их нельзя отнести к собственно социологическим исследованиям.
8. Подробнее об этом см. в наших работах: *Анурин В.* Интеллект и социум. Н. Новгород, 1997. С. 191-206; *Анурин В.* Основы социологических знаний. Н. Новгород, 1998. С. 296-315.
9. *Berger P., Berger B.* Sociology: A Biographical Approach. London, 1981. P. 102.
10. *Энгельс Ф.* Происхождение семьи, частной собственности и государства // *Маркс К., Энгельс Ф.* Избр. произв. В 3-х т. Т. 3. М., 1983. С. 269.
11. Цит. по: *Giddens A.* The Transformation of Intimacy... (выходные данные см. [7]).
12. См.: *Богданова М.* Студенческий секс - спонтанный и раскрепощенный // Московский комсомолец. 1999. 18-25 марта.
13. См.: *Навайтис Г.А.* Отношение молодежи к добрачным половым связям // Социол. исслед. 1988. № 2.